

УДК 37. 0+94(47)

Катионов Олег Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, директор ИИГСО, заведующий кафедрой отечественной истории «Новосибирского государственного педагогического университета», korolek1953@gmail.com, Новосибирск

Катионова Анна Олеговна

Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой юридических и социально-политических наук «Новосибирского государственного педагогического университета», katioasha@mail.ru, Новосибирск

ПОДГОТОВКА КАДРОВ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИБИРИ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)¹

Аннотация. В данной статье показаны особенности подготовки специалистов в Сибири, выявлена роль домашнего образования, роль специальных учебных заведений – мореходных, горнозаводских; охарактеризована система наставничества у лиц, получивших европейское и сибирское образование; обозначено значение стажировок на специализированных предприятиях в Европе.

Ключевые слова: домашнее образование, навигацкие школы, горные училища, наставничество.

Kationov Oleg Nikolaevich

Doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian history of the «Novosibirsk state pedagogical university», korolek1953@gmail.com, Novosibirsk

Kationova Anna Olegovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the «Novosibirsk state pedagogical university», katioasha@mail.ru, Novosibirsk

TRAINING OF EXPERTS IN SIBERIA IN XVIII– THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES

Abstract. Article purpose – to show features of training of specialists in Siberia, to reveal a role of house education – a basis special, and also a role of special educational institutions – seaworthy, mining, to characterize mentoring system at the persons who have got the European and Siberian education, and to designate value of training at the specialized enterprises in Europe.

Keywords: house education, navigatsky schools, mountain schools, mentoring.

Первоначальным и основным способом специальной профессиональной подготовки специалистов в Сибири было домашнее образование с элементами общественного. Классическим примером домашнего образования и воспитания является императорская семья. Главным руководителем в деле воспитания великого князя Павла был Н. И. Па-

нин, из его помощников, выделялся молодой офицер, учитель математики С. А. Порошин, воспитанник кадетского корпуса. Например, к сентябрю 1765 г. великий князь Павел (11 лет от роду – О. К.) окончил со священником отцом Платоном первую часть «Богословия» и был экзаменован в присутствии императрицы. При экзамене присутствовали

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 годы.

граф М. Л. Воронцов, граф А. Б. Бутурлин и множество придворных [20, т. 26, с. 475, 481]. Традиция экзаменовки в присутствии знатных, важных особ, начальников, специалистов публично происходила на всех уровнях домашнего образования, в том числе и в Сибири.

Примером домашнего образования в Сибири служит семья Ремезовых, в которой основным наставником сыновей выступал Семен Ульянович, получивший в свое время домашнее образование от отца – служилого человека [17, с. 18].

Капитан И. Андреев (служил с 1757 по 1800 гг.) получил не систематическое, но необходимое для роста по службе домашнее образование, обучался в Сибири в церковных учебных заведениях, частных школах и брал практический опыт у офицеров среднего и высшего звена, проявляя личные способности и усердие. В его «Домовой летописи» даётся описание процесса получения им знаний и навыков. Чтобы добиться роста по службе, да и просто вступить в нее, дворяне обязаны были получать образование, иначе в службу их не принимали. Это стало обязательным с петровских времен. Но так как в Сибири с получением специального образования были сложности, то большая часть сибирских дворян обучалась на дому либо при монастырях. К появившимся в Сибири офицерам из европейской части обращались с просьбами о помощи в подготовке специалистов, кроме того наставничество входило в их должностные обязанности. Повышение квалификации, зафиксированное во время сдачи офицером экзамена, давало возможность роста по службе в чинах и должностях. Капитан Иван Андреев описывает состав офицеров, которые имели право, особенно начальствующий состав, принимать экзамены у офицеров. Типаж их был разнообразен. Это и офицеры, по-доброму относившиеся к однополчанам, и генерал-майор Фрауендорф, обучавший фактически с палкой в руках. Будучи первым иркутским губернатором, завел у себя дома чертежную, где обучал чертежному делу учеников. По воспоминаниям Андреева, Карл Львович фон Фрауендорф, увидев однажды упущения при строительстве одного из редутов Иртышской линии, при котором восемнадцатилетний Андреев выполнял инженерные функции, избил его стеком (палкой) так,

в том числе и по голове, что тот несколько дней лежал больным, а на руке образовался свищ, который сопровождал его всю жизнь. Так получал реальное воплощение педагогический принцип того времени: «Троих забей – одного выучи». Фрауендорф ему и следовал. Капитан Андреев всю жизнь испытывал к этому «воспитателю» негативные чувства и записал у себя в дневнике, как этот садист, будучи иркутским губернатором, приказал запятать дворянина, капитанского сына, уморив его в бане, за что должен был понести наказание, и от испуга случившегося, якобы за последствия убийства, вскоре умер [6, с. 143–149].

Будучи еще вахмистром, Иван Андреев составлял копии карт для вышестоящего начальства, которые затем отправлялись в столицу. Нашими коллегами Е. Н. Коноваловой и Р. Ю. Смагиным обнаружена одна из таких копий в Российском государственном историческом архиве [РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 225]. Называется она так: «Часть карты, которая представляет описание 1761 г. инженером майором Петрулиным, по которому ныне в заграничной экспедиции и командою следовано до устья реки Бухтармы... / копировал вахмейстер Иван Андреев» (выделено нами – *О. К.*). Карту подписал «Иван Шпрингер» (Генерал-поручик И. И. Шпрингер был начальником Сибирского корпуса – *О. К.*). Впоследствии И. Андреев сам составлял карты, о чем он писал в «Домовой летописи».

Его брат Александр Андреев тоже копировал карты. Примером служит обнаруженная А. А. Ворониной в Российском государственном военно-историческом архиве «Карта полуденной части Российской империи Сибирской губернии начав от 58°12 минут от города Тобольска, на которой представляются состоящие пограничные линии, а именно новопрожектированная между реками Тоболом и Иртышом новая Сибирская и оно же Иртышская и Кольвано-Кузнецкая линия. – «Сочинял Луцкаго драгунскаго полку Филипп Спицын. Копировал штата генерал-поручика и ковалера Шпингера флигель адъютант Александр Андреев. [1763]». [РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 20237] [4].

Командированные в Сибирь офицеры, обучавшиеся в России или за границей, обладавшие педагогическими навыками, хо-

рошими знаниями передавали их в практической деятельности своим подчиненным либо сослуживцам. Инженеры, картографы, чертежники получали специальное образование как на местах несения службы, так и обучаясь у своих коллег – старших офицеров. Тот же Иван Андреев, получив соответствующую подготовку, выступал в качестве наставника у младших сослуживцев [6, с. 143–149].

Исследователь М. О. Акишин, характеризуя сибирских чиновников 1730 – начала 1760-х гг., отметил, что и при Анне Иоанновне была продолжена политика Петра I по представлению привилегий по службе образованным людям. Согласно положению о кадетском корпусе 1731 г. его выпускники получали в зависимости от усердия при обучении чины, начиная с унтер-офицерских и кончая чином поручика. Однако по Сибири были выявлены только единичные случаи, когда администраторы в юности окончили школы навигацких, артиллерийских и др. наук. Так, сын крымского мурзы В. Я. Батуров окончил в Москве школу математических и навигацких наук и Московскую академию. В Сибирь попал в чине шихт-мейстера в конце карьеры, получив в 1753 г. назначение в сибирскую губернскую корчемную контору. Дворянин В. А. Губин окончил артиллерийскую школу в Москве. По выходе в отставку после службы в армии занимал должность воеводы в Нерчинске в 1750–1760 гг. Выпускник цифирной школы в С.-Петербурге У. И. Еропкин после службы гардемаринном на флоте в Сибирь попал в 1743 г. и до 1755 г. служил на должностях воеводы в Сургуте, Таре и Якутске [1, с. 197–198].

Из послужного списка прапорщика геодезии Пимена Евсеевича Старцева узнаем, что он обучался в Екатеринбургской горной школе, с 1732 г. – копиист, с 1735 г. – ученик геодезии у поручика геодезии Ивана Ивановича Шишкова. «При нем был в посылках в низовых сибирских городех, яко то Нерчинском, Иркутском и протчих, за описанием географическим и сочинением плоских меркаторских ландкарт в учениках 1744 году по февраль месяц. А оного февраля ... отправлен в канцелярию Екатеринбургскую. При оной находился у надзирания школ...». В 1744 г. П. Старцев получил чин геодези-

ста, а в 1747 – геодезии прапорщика Колывано-Воскресенских заводов. Имел своего ученика – Ивана Денисова, с которым в 1742 г. исследовал и картографировал Телецкое озеро в экспедиции П. Шелегина [2, с. 387–389]. Опыт практиков использовался при передаче его учащимся. Из геодезии учеников П. Старцев дослужился до геодезиста только через 10 лет.

Когда потребности государства в специалистах усилились, в Сибири начали возникать специальные учебные заведения, типа навигацкой школы в Иркутске или горнозаводской школы-училища в Екатеринбурге, а позже в Барнауле. Инициатива чаще всего исходила от заинтересованных лиц, а такими являлись либо губернаторы, либо начальствующий состав – военный, морской, горный или землеустроительный.

Навигацкие школы работали в [Тобольске – геодезическая], Якутске, Охотске, Иркутске и Нерчинске. В. Беринг, по возвращении из первой экспедиции в Петербург в апреле 1730 г. подал императрице записку о разных преобразованиях в Камчатском и Охотском краях, в которой сообщал, что в Сибири необходимо *для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... И ежели б оное учинилось, то б и отсюда посылать не надобно, и на всякое судно довольно по 12 или 15 человек для науки*. Якутская навигацкая школа начала свою работу в 1740 г., а официально закрыта в 1792 г., работая с перерывами более 50 лет. Обучалось в ней, когда не было перерывов, от 25 до 40 учеников. В Охотске школа была открыта в 1740 г. С разными перерывами она продолжала работать и в середине XIX в. А. С. Сгибнев писал, что и в 1847 г. училище продолжало готовить штурманов. Наиболее плодотворно подготовка велась в Иркутске всю вторую половину XVIII в. Сведения о существовании тобольской или сибирской школы, минимальны. В частности, из «Исторической записки о иркутских геодезистах и навигацких учениках» мы узнаем, что 19 января 1755 года «сибирский губернатор Мятлев предписал вице-губернатору Вульффу (в Иркутске), что по представлению морского флота штурмана Татаринова, из находящихся в Тобольске при сибирской геодезической школе (выделено нами – О. К.), составленной из одной роты учени-

ков обученных арифметике и геометрии, к определению впредь в морскую службу выбраны 5 человек, которых по окончании наук по геодезии и навигации в Иркутскую навигацкую школу принял штурман Татаринов, отправленный в Иркутск учителем». То есть эти пять учеников предполагалось, что и было сделано, направить в Иркутскую навигацкую школу. Из записки неясно, в качестве кого. Возможно, это были помощники учителя, организовывавшие практику навигацких учеников. Или будущие кандидаты в штурманы, как наиболее способные и подготовленные Им полагалось содержание 2 копейки в день, тогда как ученикам – 1 копейка [7, с. 125]. Однако, несколько иное и более полное трактование сюжета о тобольских учениках находим у А. С. Сгибнева: «Между тем, Мятлев, пока устраивалась навигацкая школа в Иркутске, выбрал несколько человек воспитанников из вновь устроенной им тобольской геодезической школы и под личным своим наблюдением поручил находившемуся при нем штурману Татаринову обучать их навигацким наукам; в 1754 г. из числа этих учеников 5 человек окончили арифметику, геометрию, тригонометрию и навигацию до обсервации. Мятлев 19 января 1755 г. сообщил Вульффу, что он сделал распоряжение об отправлении этих учеников вместе с Татариновым в Иркутск, с тем чтобы ученики поступили в навигацкую школу. И как они уже способны к морской службе, то содержание им производить по 2 копейки на день и муки по два четверика, и круп по гарнцу в месяц; мундиры же против солдатских дач: кафтан, камзол, две шляпы с галуном, панталоны лосинные на 4 года и рубашек и чулок по паре в год. Такое большое содержание производить им, – писал Мятлев, – *для примера другим, дабы и те старались скорее дойти до высших наук*» (курсив наш – О. К.) [18, с. 335–358]. Последняя фраза В. А. Мятлева в «Исторической записке о иркутских геодезистах...» отсутствует. А она-то и дает объяснение присылке тобольских учеников в Иркутскую школу.

Необходимы дальнейшие исследования по истории тобольской геодезической школы. О том, что геодезическая школа в Тобольске существовала позднее, имеется информация в «Описании Тобольской губернии» 1789–1790 гг.: «С 1764 года губер-

натором сибирским Чичериным для детей благородных учреждена была геодезическая школа, в которой обучали только чистой математике...» [16, с. 301]. Хотя о более раннем её существовании пишет О. А. Горощенкова: «Существует версия, что в Иркутске до школы навигации была геодезическая школа, открытая в 1745, которая затем соединилась со школой навигации в 1754 г. Об этом писал Г. Миллер. Скорее всего речь идет о Сибирской школе геодезии в Тобольске, учеников которой соединили в 1755 г. с иркутской школой навигаторов» [3, с. 65].

Итак, основателями тобольской геодезической школы, по разным источникам, являются В. А. Мятлев – 1754 г., Д. И Чичерин – 1764 г. В 1789 г., видимо, школа эта была слита с народной. О том, что инициатива по ее открытию исходила от В. А. Мятлева – понятно. Он морской офицер, в 1733 г. руководил подготовкой Обской экспедиции (1734–1738) Д. Л. Овцына, в чине генерал-лейтенанта стал сибирским губернатором, сторонником продолжения поисков путей на Камчатку через Амур. Ему нужны были геодезисты, штурманы, чтобы исследовать судоходность и берега Амура. Он инициировал открытие навигацких школ в Иркутске и Нерчинске, чтобы не возить их из СПб. Имел опыт руководства Морской академией в 1730–1732 гг. в звании капитана I ранга. В Архангельске открыл местную морскую школу для обеспечения Второго отряда Камчатской экспедиции Д. Л. Овцына [8, с. 16]. Стаж и опыт руководства морскими учебными заведениями имел с 1730-х гг.

В 1754 г. через два месяца после открытия иркутской Ф. И. Соймонов открыл навигацкую школу в Нерчинске. В 1757 г. в школе этой было уже 59 учеников. Между тем, вопрос о плавании по Амуру был отложен по политическим соображениям до более удобного времени, и Сенат, по представлению сибирского губернатора Чичерина, предписал ему в 1765 г. школу эту соединить с иркутской. 19 октября 1765 г. начальник нерчинской школы Бритов прибыл в иркутскую навигацкую школу с 39 учениками, книгами и инструментами.

Иркутская навигацкая школа сыграла важную роль при подготовке не только штурманов, но и специалистов разного профиля, в том числе и землемеров. Особенно в

первой трети XIX в. Сибирский губернатор И. Б. Пестель 25 февраля 1813 г. утвердил проект иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, на основании которого геодезисты и навигацкие ученики состояли в ведении землемера до 1827 г., получая содержание из суммы, ассигнуемой на содержание навигацкой школы, хотя школа эта давно уже утратила свое прямое назначение.

В 1827 г. губернский совет, имея в виду крайний недостаток в Иркутской губернии землемеров, счел необходимым, насколько возможно, поддержать навигацкую школу, а потому решил: предоставить гражданскому губернатору избрать, по добровольному согласию родственников, из свободного сословия и из казачьих детей 12 мальчиков от 10 до 14 лет для обучения их наукам, преимущественно геодезическим, в иркутских учебных заведениях, по ранее существовавшему порядку, производя жалованье старшим ученикам по 150, а младшим по 120 р. в год, а остальную сумму употреблять на учебные пособия. Более способных учеников занимать в свободное от ученья время в чертежной. Наблюдение же за учениками возложить на одного из окружных землемеров, и сверх того договориться с директором училищ Иркутской губернии о содействии с его стороны в строгом присмотре за воспитанием учеников. Завершила свою историю навигацкая школа в 1835 г., когда было высочайше утверждено мнение Государственного совета, заключающееся в том, чтобы взамен бывшей иркутской навигацкой школы прибавить в Константиновском межевом институте 9 мест воспитанников для Сибири. По получении в Иркутске этого указа ученики геодезии были распущены и прекращено финансирование школы [18, с. 354–355].

Иркутская школа готовила кадры для различных отраслей народного хозяйства. Об этом свидетельствует статистика. С 1754 по 1765 год из Иркутской навигацкой школы вышло: 1 – в японские переводчики; 16 – штурманами в Охотск; 15 – в горные чины; 5 – в подмастерья ластовых судов; 6 – в секретную экспедицию капитана Креницына; 1 – в медицинские чины; 36 – в канцелярию нерчинского горного начальства к разным должностям; 6 – геодезистами в Охотск и Анадырь; 23 – не понятные в карабинерный полк; 28 – как нерадивые в казаки; 5 – умер-

ло. Итого – 142 [7, с. 128].

Относительно «не понятных» Иркутский губернский совет постановил в 1827 г. в отношении геодезистов-учеников: «3) Геодезистов, оказавшихся *тупыми* (курсив наш – О. К.) и не способными к наукам, следовательно, и не могущих быть полезными для службы, исключать из звания геодезистов, дабы казна не могла напрасно тратить на них издержки, на каковой конец поставить губернскому землемеру в обязанность немедленно о таковых доносить гражданскому губернатору на дальнейшее его распоряжение» [18, с. 356]. А в 1765 г. их еще называли «не понятными».

Сведения о выпускниках отрывочны. В 1771 и 1772 гг. на употребление в штурманы в морской флот вышло по 20 чел; на казенные суда в Охотск – в звании штурманов – 3, подштурманов – 3, и учеников – 3, да на компанейские суда – 2, и по воследовавшей от Правительственного Сената апробации определены 7 геодезистов. Итого – 58. С 1784 г. по 1805 г. в разное время выбыли из школы: 8 – в канцелярские служители; 9 – в уездные землемеры; 3 – в землемеры лесной экспедиции; 1 – в СПб, практическим землемером в департамент водяных коммуникаций; 2 – в штурманы на Байкал; 5 – в штурманы в Охотск; 10 – в морскую секретную экспедицию для исправления штурманских должностей; 9 – в фортмейстеры и разные адмиралтейские должности. Итого – 48. В 1805 г. в ведение губернского землемера явилось: 4 – при уездных землемерах; 1 – в экспедиции Ледовитого моря; 2 – в чертежной; 10 – учащихся. Итого – 17 [7, с. 128–129].

Палитра должностей выпускников достаточно широка. Ученики иркутской школы проходили практику в разных местах Сибири, но под наставничеством специалистов. Например, якутский уездный землемер, титулярный советник Бармин в 1813 г. получил распоряжение иркутского губернского землемера А. И. Лосева об обучении геодезии ученика Каретникова. В предписании от 10 марта Лосев писал: «На основании Положения VI отделения поручено Вашему благородию как опытному землемеру под надзором своим чрез старшего геодезиста в вашей команде состоящего, обучить геодезии ученика Каретникова. 1-е, весьма нужным для землемера наукам и нужной практике соб-

ственным вашим старанием; 2-е, а для других учебных предметов посылать его в класс Якутского училища, наблюдая за успехами его в учении; и 3-е, доставлять в половине июня ведомость об успехах» [НАРС (Я). Ф. 343-И: Якутский статистический комитет. Оп. 7. Д. 41. Л. 4.].

Таким образом, на все обучение землермерному делу этого ученика А. И. Лосев отпускал около трех месяцев. (Не надо забывать, что Каретников был геодезии учеником, т. е. основы топографии были ему известны. Видимо, требовалось пройти практику. Аудиторное же обучение проходило в Якутском училище).

Некоторые из выпускников иркутского училища помимо землемерия «были определяемы к учительским должностям в подведомые гимназии училища» [23, с. 132, 161].

Практика привлечения специалистов для подготовки кадров на местах была довольно распространенной в России XVIII в. из-за нехватки профессиональных училищ. Например, в Колывано-Воскресенском горном ведомстве первое время подготовка специалистов велась индивидуально. По контракту каждый иностранный мастер обязывался подготовить несколько работников «российской нации» [9, с. 9].

В 1763 г. до открытия горного училища в Колывано-Воскресенские заводы присылали для подготовки в горные инженеры «молодых дворян, небогатых и доброго состояния, из шляхетных кадетских корпусов, довольно обученных немецкому, а паче латинскому языку, арифметике, геометрии и тригонометрии, из сухопутного – четырех, из морского – четырех, да ис прочих училищ четырех же человек..., где они могут не токмо присмотреться, но и научиться всему горному и плавильному производству. И по прошествии года произвести их в горные обер офицеры. А которые из них рачительны явятца и доброе понятие иметь будут, то произвести и меньше года. Из них шесть человек оставить здесь, при заводах, для действительной уже службы. А достальных, кои понятнее, взять в Санкт Петербург и с одним горным обер офицером послать на иждивении здешних заводов в Саксонию и в другие места, где производятся горные и плавильные дела, на два года для примечания там разности от здешних работ по раз-

лично качества в рудах..., так же и для науки в сей горной физике» [2, с. 69].

И через 20 лет эта практика повторялась. В наставлении начальника горной экспедиции Кабинета её императорского величества П. А. Соймонова начальнику Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качке предписывалось в 1785 г. «чтобы учащиеся могли дойти до совершенства, то тех, кои наиболее успехов и большую склонность и остроту показывать будут, пересылать в Санкт-Петербург в Горный корпус. Откуда по окончании курсов определено ездить им и, сверх того в чужие края, чрез что здешние заводы могут получить достойных и сведущих горных офицеров, не делая на обучение их больших издержек» [2, с. 88].

Выпускники инженерных специальностей могли работать по другим ведомствам. Так, характеризуя чиновника Томского губернского суда П. П. Сушина, автор Е. Н. Туманик пишет о том, что он имел образование горнозаводского училища ведомства Екатеринбургских горных казенных заводов с профессиональной квалификацией маркшейдера и топографа (окончил в 1815 г.). В 1832 г. определился в Омске в Военно-топографическую экспедицию. Числясь в штате Главного управления Западной Сибири, был отправлен «для рекогносцирования внешних округов Омской области». Годовое жалованье составляло 1500 р. – достаточно высокое. Однако, в марте 1833 г. экспедицию расформировали, и наш герой служит уже по судебной части [22, с. 272–273].

Это положение вписывалось в общую для того времени практику подготовки специалистов достаточно широкого профиля. Так, в инструкции «О преподавании в школах при уральских казенных заводах» В. Н. Татищев логично настаивал на обязательной дальнейшей специальной подготовке дворянских детей для службы военной и гражданской [21].

Практика была не только за рубежами отечества. Так, учащиеся екатеринбургского горного казенного училища практиковались в чертежных работах. Об этом свидетельствуют карты, копии с которых они снимали на протяжении второй половины XVIII в. Например, «Карта лежащей от г. Екатеринбургa дороги чрез разные города до Кяхты. Собранная с разных карт Пермского наместничества приказа общественного призрения

при екатеринбургском училище 1784 года февраля 13». [13, с. 68–69, №150.]. Так как карта «собрана» учениками, она не без недочетов мелких (например, Бердский острог написан как «Бергинский»), и грубых: дорога по Барабе идет южнее оз. Чаны [5, с. 223].

В Иркутске – городе близком к государственным границам, готовили специалистов-переводчиков с монгольского и китайского, а также японского языков, в разное время. При Иркутском Вознесенском монастыре в 1725 г. было открыто первое в России учебное заведение по изучению монгольского языка с миссионерскими целями. Просуществовала школа до 1737 г. Преподавание вели «природные монголы». Окончившие ее работали переводчиками. Первоначальную подготовку получил в ней ученый-ориенталист иркутянин Илларион Россохин, завершивший языковую практику с 1729 по 1737 г. в Пекине, в русской духовной миссии. Специалист в области монгольского, манчжурского, китайского языков, изучавший их в течение 12 лет, впоследствии с 1737 г. переводчик в Академии наук в СПб. [12, с. 337].

В 1753 г. в Иркутске открылась в связи с попытками установления дипотношений с Японией переведенная из СПб. школа японского языка. Преподаватели присланы были из СПб. Первым составителем русско-японского языка был ученик этой школы Андрей Татаринов. Словарь был переслан губернатором Н. Ф. Кличкой в СПб, в Академию наук для напечатания. Однако, в связи с политикой самоизоляции Японии востребованность переводчиков с японского была незначительной и школа была закрыта. Правда, в XIX в. в Иркутске в главном народном училище, гимназии, духовной семинарии продолжалось изучение монгольского, манчжурского и японского языков [10, с. 172–174].

При Иркутской гимназии некоторое время существовали навигацкая школа и японский класс. Навигацкая школа в 1812 г. была отделена от гимназии, а японский класс закрыт в 1816 г. [19, с. 105].

Учебные заведения XVIII в. до появления общеобразовательных школ носили профессиональный характер, однако они выполняли более широкую задачу: обеспечивали общество образованными людьми. Так, среди выпускников навигацких школ были учителя, медики, военные, геодезисты, перевод-

чики [11, с. 30–38].

В XVIII в. специальные учебные заведения создавались, исходя из конкретных потребностей, стоявших перед властями. Беринговские экспедиции, освоение северо-востока, попытки продолжить движение на восток по Амуру привели к созданию навигацких школ, которые, наряду с подготовкой морских служащих – штурманов, подштурманов и т. п., готовили специалистов для управления, горных дел, землемеров, военнослужащих и т. п. Горные учебные заведения в Екатеринбурге и Барнауле решали задачи по подготовке специалистов в области разработок горных пород и плавильного дела. Наряду с этим они тоже выполняли задачи по подготовке служащих для народного хозяйства. Школы иностранных языков необходимы были для развития контактов с приграничными Китаем и Японией.

По данным Б. Н. Миронова, с началом модернизации в XVIII в. началось распространение грамотности, но в первые 100 лет она глубоко проникла только в среду дворянства и духовенства – это всего 3% населения [14, с. 2–8].

В течение всего века домашнее образование с комплексом с другими формами – школами при монастырях, частными учебными заведениями, не утратило своего значения. Такой «способ передачи культурного наследия обычно ориентирует человека на традицию, а не на социальные изменения» [14, с. 2–8]. Но в сочетании с другими формами образования домашняя подготовка способствовала и стимулировала часть сибирского социума к решению сложных технических, управленческих и экономических задач. В связи с отсутствием в Сибири до 1785 г. единой системы государственного образования актуальным было наличие наставничества как обязательного условия службы по контракту у специалистов и направление учащихся за рубеж и в лучшие учебные заведения России для стажировки.

Библиографический список

1. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. – М. ; Новосибирск: «Древлехранилище», 2003. – 408 с.
2. Алтайские горные офицеры. XVIII–XIX вв. Сборник документов. – Барнаул: Управл. архивн.

дела Алтайского края, 2006. – 496 с.

3. *Горощенова О. А.* Техническое образование в Иркутской губернии: история становления, развития, преемственности сети учебных заведений (серед. XVIII в. – 1917 г.): дисс. ... канд. ист. наук. – Иркутск 2005. – 259 с.

4. *Картографические материалы Урала, Сибири и Дальнего Востока: база данных* / под ред. О. Н. Катионова. Новосибирск: ФГБОУ ВПО НГПУ, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nspu.ru/upload/federal_projectsy/kartog_materiali_Urала_Sibiri_Dal_Vostoka.rtf (дата обращения: 5.01.2013)

5. *Катионов О. Н.* Картографическое сопровождение государственной политики в Сибири в XVIII – начале XIX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: сб. матер. регион. науч. конф. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2007. – С. 217–226.

6. *Катионов О. Н.* Подготовка офицерских кадров среднего звена в Сибири XVIII в. (по материалам «Домовой летописи» капитана И. Г. Андреева) // Сибирики: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – С. 143–149.

7. *Катионов О. Н.* «Историческая записка о иркутских геодезистах и навигацких учениках». К вопросу о перспективах исследования // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 4.: Аналитическая практика и перспективы современного источниковедения / под ред. Е. Е. Дутчак, В. П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 122-138.

8. *Колотило Л. Г.* Военные моряки Байкала: проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. Д. Доценко, науч. ред. Б. П. Полевой. – СПб.: Наука, 2004. – 560 с.

9. *Коттев А. В.* Элита алтайского горнозаводского общества // Алтайские горные офицеры. XVIII–XIX вв.: сб. докум. – Барнаул: Управл. архивн. дела Алт. края, 2006. – С. 4-26.

10. *Кузнецова М. В.* Об изучении восточных языков в Иркутске в XVIII в. // Восток в прошлом и настоящем. Тезисы докл. к регион. конф., 14–17 мая 1992 г. – Иркутск: Ирк. гос. ун-т, 1992. – С. 172-174.

11. *Кузнецова М. В.* Иркутская школа XVIII – первой половины XIX века и культурная жизнь Иркутска // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 4. – Иркутск: «Тальцы», 2005. – С. 30-38.

12. *Кузнецова М. В.* Иркутская востоковедная традиция. Об изучении восточных языков в Ир-

кутске в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник междунар. центра азиат. исслед.: матер. междунар. конф. «Монголия в XX веке». – Иркутск: Изд. ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2011. – С. 336-340.

13. Материалы к сводному каталогу рукописных карт Сибири XVII–XIX вв. (итоги предварительного исследования) / под ред. О. Н. Катионова; сост. О. Н. Катионов, Т. В. Мжельская, А. А. Воронина, Е. Н. Коновалова, И. А. Дураков. – Новосибирск, 2007. – 96 с.

14. *Мионов Б. Н.* Ученость – вот чума, ученость – вот причина // Родина. – 2006. – № 6. – С. 2-8.

15. *Нечаев Н. В.* Горнозаводские школы Урала: (К истории профессионально-технического образования в России). – М.: ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ, 1956. – 205 с.

16. Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск: Наука, 1982. – 321 с.

17. *Постников А. В.* Картографирование Сибири в XVII – начале XVIII века. Роль Семена Ульяновича Ремезова и его рукописных атласов // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. II. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. – Тобольск, Верона, М.: Общественный фонд «Возрождение Тобольска», 2007. – С. 13-25.

18. *Сгибнев А. С.* Навигацкие школы в Сибири // Колотило Л. Г. Военные моряки Байкала: проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. Д. Доценко, науч. ред. Б. П. Полевой. – СПб.: Наука, 2004. – Прил. № II. С. 335-358.

19. *Семенова Л. А.* Правительственные реформы в области школьного образования в Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. – Иркутск: Ирк. гос. ун-т, 2003. – 99-116.

20. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18-ти кн. Кн. XIII. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1994. – Т. 25-26. – 621 с.

21. *Татищев В. Н.* Инструкция «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах» // Исторический архив / Под ред. Б. Д. Грекова. – М.; Л., 1950. – Т. 5. – С. 167–178.

22. *Туманик Е. Н.* Кадровый состав Томского губернского суда в середине 1830-х гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд. «Сова», 2005. – С. 272-273.

23. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут: «Северный дом», 1993. – 463 с.